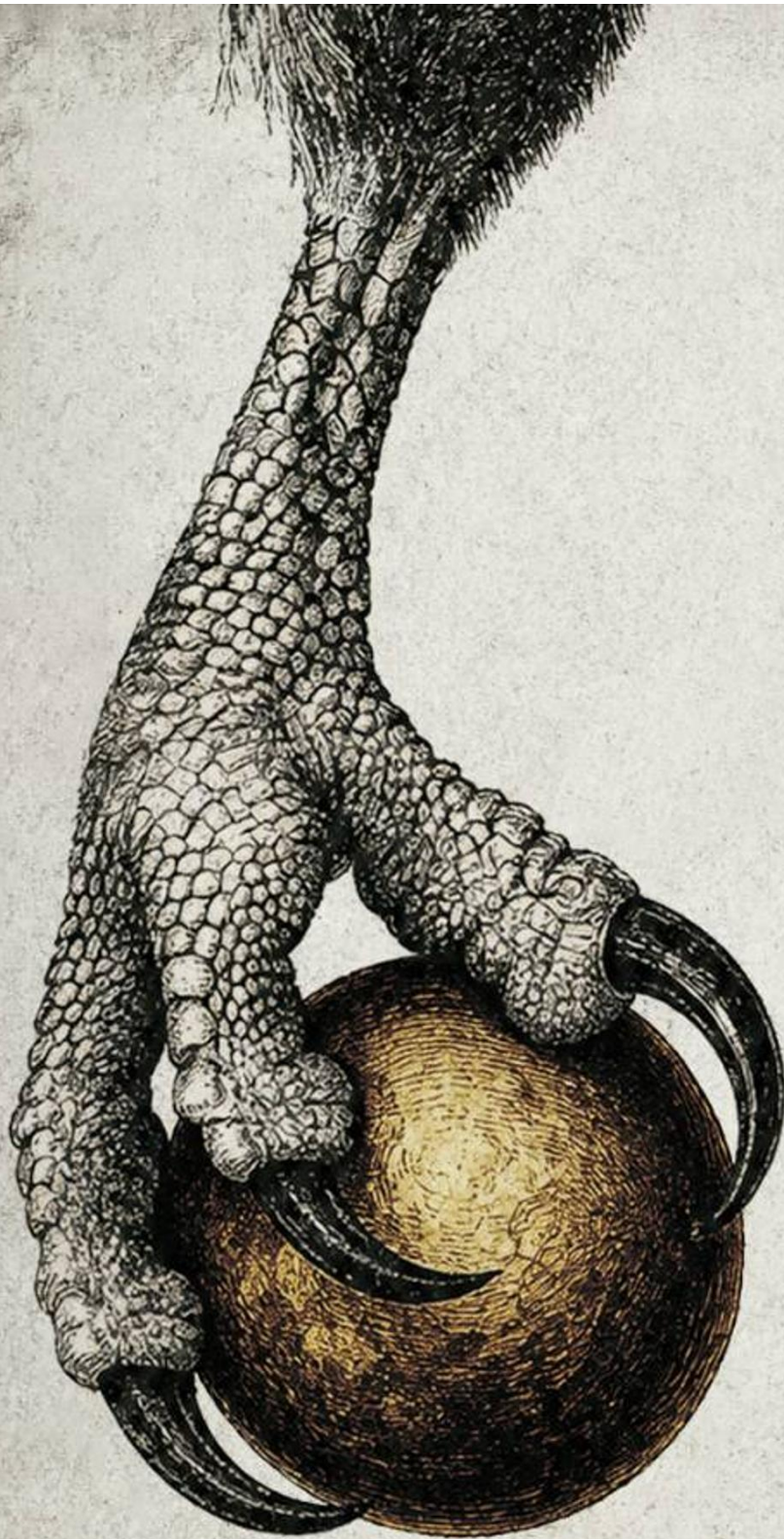

ГДЕ ПАДАЛЬ — ТАМ КОРШУНЫ

Хильда Глас

18+

Хильда Глас

Где падалъ — там коршуны

«Автор»

2026

Глас Х.

Где падаль — там коршуны / Х. Глас — «Автор», 2026

Двадцать четвертого июня в горах Алтая пропало четверо человек. Среди них был близкий друг Нины. Не смирившись с неизвестностью, она отправляется туда, откуда он так и не вернулся. Но чем ближе Нина подбирается к истине, тем труднее понять, что страшнее: никогда ее не узнать или заплатить за нее слишком высокую цену.

Содержание

Глава I. На обрыве	5
Глава II. Под прицелом	12

Хильда Глас

Где падаль — там коршуны

Глава I. На обрыве

Двадцать четвертого июня на юго-востоке Алтая пропало четверо туристов. Неподалеку от арендованного ими дома, у реки, нашли пустые пивные бутылки. На следующий день, в десяти километрах ниже по течению, поисковая группа обнаружила резиновую лодку, зажатую между валунами. Или то, что от нее осталось. Там же со дна подняли экшн-камеру одного из пропавших. Версия напрашивалась сама собой: из-за алкогольного опьянения молодые люди недооценили риски и не справились с течением. Так решило и следствие. Однако ни одного тела так и не нашли.

Верхушки елей степенно покачивались. Хвойные исполины смотрели как на равного, глаза в глаза. Здесь, с высоты обрыва, даже широкая река плескалась ручейком.

Руку что-то тяготило. Нечто теплое. И живое. Оттого еще более отвратительное, что сухое.

Бьющееся сердце.

Пальцы выпустили его. Канув в реку, оно в считанные секунды растеклось по бирюзе чернотой, загустило резвые потоки в смоль. Небеса загромыхали, точно великаны забили в свои гигантские бубны. БУМ. БУМ, БУМ. БУМ. Ели, как скорбящие матери, склонили свои главы над рекой; плача иглами, облысели. И вдруг разом вспыхнули неистовым пламенем. Вытянув стволы, оно добралось до верхушек и заклокотало в лицо.

Правую ладонь зажгло, но не огнем: из нее текла кровь — так сильно рука сжимала острый камень.

Нельзя его отпускать. Никак нельзя. Пусть лучше режет кожу.

Все исчезло: и кровь, и огонь, и гул. Во тьме осталась лишь изуродованная страхом гримаса. Руки давили на уши. Рот раскрывался, надрываясь, пытался что-то донести. Увы, крики не могли преодолеть тишину.

В выпученных до красноты глазах один за другим полопались сосуды. Кровь, переполнив белки, вылилась на щеки.

Теперь крик был. Но только лишь он один.

Прошло без малого два месяца с последнего сообщения Тимы — живописной фотографии с обрыва и подписи: «Единственное место, где хоть как-то ловит. Надеюсь, мне не придется стоять тут до вечера. Ну, по крайней мере здесь красиво, да?» И вдруг — этот странный, до озноба четкий сон, в котором он явно нуждался в помощи.

Нина сразу отмела версию с рекой. Тима хорошо плавал, Леня был силен как бык, остальные ребята тоже спортом занимались — кто-то из них точно выбрался бы. Но ведь их даже не нашли. И, судя по тому, что дело планировали закрыть еще в середине июля, даже не хотели. Лишь из-за коллективных заявлений расследование продолжалось.

К середине августа близкие совсем отчаялись и провели вечер памяти. Нина присутствовала на нем. Послушала прощальные речи, посмотрела на мокрые платочки и ушла через пятнадцать минут после начала. Им было тяжело, бесспорно. Но их слабость пахла предательством. Ее, как и всех, пожирали собственные мысли, удушая все более и более уродливыми предположениями, однако ж она не сдавалась.

Пейзаж на фотографии из переписки в точности совпадал с увиденным во сне: верхушки елей на уровне камеры, изумрудные горы, река и тучи. В этом не было мистики — память у Нины была хорошая. Как и фантазия. Но что-то так и подмывало промотать переписку наверх.

«Леня в итоге этот выбрал». И ссылка на двухэтажный домик в алтайской глуши, где из развлечений только баня и шашлыки. Выбрать себе такой подарок мог только он.

Синенькая кнопка заманивала: «Забронировать».

Не прошло и недели после окончания поисков, а злосчастный дом уже ждал новых гостей.

«2 ночи — 33 000 руб. вместо 34 350 руб.»

Вот так скидка...

После часа метаний из угла в угол Нина все-таки тапнула по кнопке брони. Какие-то две ночи. Все равно сидеть в городе, где не осталось никого, кроме нее, осточертело до скрипа зубов.

За три дня до поездки в плацкарте оставались либо верхние полки, либо боковые. Нина мало ездила на поездах и побаивалась спать наверху, а большая часть пути выпадала как раз на ночь, поэтому выбор пал на боковое.

Она рассчитывала встать за час-полтора до своей станции, неспешно умыться, сдать белье, собраться, но то ли от нервов, то ли от липкой духоты проснулась спозаранку, пока еще не пахло кашами, а редкие разговоры велись полупшепотом. Все намеченное она выполнила за полчаса и оставшееся время провела за стаканом чая. Такой завтрак уже вошел у нее в привычку. Повезло, что соседа сверху не было и можно было спокойно посидеть за столиком в одиночестве — мыслей хватало.

Нине никак не давал покоя тот сон, а точнее — его смысл. Острый камень, весь в крови, сердце размером с человеческое — означало ли это убийство? Столь кошунственное... Зачем было вырезать сердце, а затем избавляться от него? Почему следователи ничего не нашли? Или нашли, но ей не сказали? Под стук колес ворох мыслей снова уносил ее в беспокойные, страшные дали.

Пальцы обжег горячий подстаканник.

Пар осел на стекле, размазав вид за окном. Она стерла его ребром ладони, и мимо пестро-желтым вихрем понеслись цветущие луга вместе с воспоминаниями о беспечных днях лета.

По краю ее джинсов тоже тянулись цветочки — только голубые. Тима впервые заметил их, когда они болтали в лесу на поваленном дереве. Он тогда очень удивился:

— Стоп, их же здесь не было? Точно не было, не мог же я их не заметить за столько времени. Ты умеешь шить?

— Раз ты спрашиваешь, значит, не особо и умею, — поскромничала она и спустила со ствола ноги. Внизу был неглубокий овраг, полный лютиков.

— Нет, мне нравится! — чрезмерно бойко заверил он.

Нина с улыбкой закатила глаза.

— А можешь мне что-нибудь такое сделать?

Она сначала хотела отмахнуться, как от шутки, но потом посмотрела на него и спросила начистоту:

— Что, например?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Да что угодно.

Запотевшее окно сменилось пыльным. В нем отражалась ее противоречивая улыбка. Снаружи мелькали деревья, дикие лошади и бледные горы вдали. По комфорту областной автобус заметно проигрывал поезду. Точнее было бы назвать его маршруткой: сидений мало, все узкие, пропахшие сигаретами и бензином, единственное место для пузатого рюкзака — собственные колени, а вместо кондиционера — открытые форточки. К счастью, почти весь путь автобус мчался по тракту, продуваемый со всех сторон.

Возможно, и не было никакой загадки: ее сон был всего лишь следствием утраты близкого друга. Внутреннее чутье тоже подсказывало: того, кого она ищет, там нет. Но пока оставался хоть один шанс, хоть малейшая вероятность помочь ему, живому или мертвому, она бы отправилась куда угодно.

— Конечная! — потрясла кондукторша за плечо.

Автобус опустел.

Дальше пешком. Недолго — пять минут до продуктового, где они с хозяином жилья договорились встретиться. Мужчина уже ждал возле своей «буханки».

— Надя? — уточнил он.

Это был невысокий мужчина средних лет. На его коже, как у многих местных, пекущее солнце оставило свой отпечаток: загар и морщины — не щуриться здесь было невозможно.

— Приятно познакомиться. Мерген?

Он кивнул вместо рукопожатия и указал большим пальцем на магазин:

— Ничего брать не будете?

— У меня все с собой.

— Как знаете. Ну, тогда залезайте.

Без «буханки» на бездорожье было не обойтись. Здесь дорога была еще ровной, но чем дальше, тем ухабистее становилась.

Прежде бывать на Алтае Нине не приходилось. Она ожидала увидеть заснеженные склоны и лазурные реки из соцсетей, но большую часть пути видела один только лес. А когда он наконец расступался, взору открывались равнины и плавные зеленые холмы. Она уже смирилась с тем, что приехала на какой-то другой Алтай, но эти места требовали терпения.

За очередным поворотом дорога вдруг нырнула вниз, где форпостом возвышались каменные врата. Лишь миновав их, можно было узреть гордую, уходящую за пределы видимости гору — в такие моменты ее сердце оживало.

Подумать только: ведь совсем недавно и Тима, проезжая здесь, видел эти красоты. Когда возникало что-нибудь впечатляющее, он обычно сдерживался, поглядывая с выдающе блестящими глазами. Заметив в другом тот же восторг, позволял себе чуть улыбнуться и весь оставшийся путь сидел озаренный, с некой загадочностью, будто по его лицу не читалось все без слов.

— Сюда редко в одиночку приезжают. Особенно девушки.

Мерген оказался не самым разговорчивым попутчиком. Редкие разговоры, если и возникали, звучали вымученно — будто он заводил их лишь затем, чтобы хоть как-то развлечь пассажирку.

— Устала от суеты, — и не соврала она. — Хочется уединения, а в городе этого, сами понимаете, не найти.

— Так к Новосибирску ближе полно.

— Полно, но здесь же на километры никого.

Он глянул на нее в зеркало заднего вида как на чудачку.

— И не страшно?

— Так чего бояться, если людей нет? — отшутилась девушка.

Конечно, ей было страшно. Но это чувство притуплялось другим, гораздо более неприятным.

— Зато зверья немало: волки, рыси, кабаны. Медведи.

— Так потому и немало. Потому что людей нет.

Он усмехнулся, но вскоре снова заговорил:

— Вы же хорошая девушка?

Отвечать на подобное было странно.

— Наверное.

— Места здесь сильные, — пояснил алтаец. — Не терпят слабость.

— Ну, я точно не слабая, не беспокойтесь.

Он устало вздохнул:

— Эх-х... Не обижайтесь, я всех предупреждаю. Где падаль — там коршуны.

Что именно он подразумевал, Нина не поняла и списала это на местные суеверия. Ее больше интересовало, как на подобную чушь ответили ребята. Бурная фантазия рассадилась по местам: Леня, без сомнения, уселся бы рядом с водителем, Сава и Марк трепались бы визави на передних пассажирских, а Тима сидел бы в конце. На том же месте, что и она сейчас.

И посреди звона перекатывающихся бутылок вдруг прозвучал вопрос:

— Вы же хорошие ребята?

Из Марка вырвался слишком громкий смешок, но Леня не растерялся:

— Хорошие? Да вы лучше не найдете. Кроме Тишки Шалопая. — Он с широкой лыбой обернулся к другу. — Он у нас маньяк-серийник.

Сава с Марком хохотнули, но водитель со всей серьезностью изучал «маньяка» в зеркало заднего вида. Его взгляд стал еще тяжелее.

— Серийник?

— Еще какой. Может двадцать, может пятьдесят, иногда даже сотню за день прикончить. У него и сейчас в рюкзаке... — Бас медленно сошел на шепот. — Сборник на пятьсот sudoku. Покажешь, Тиш?

— Тима. Тишка — это другое имя, — устало напомнил он в несчетный раз. Сколько бы лет им ни было, имени старого друга Леня так и не выучил. Для него он всегда оставался Тишкой.

При виде толстого томика ребята громко рассмеялись.

— Зря вы так, — ничуть не обиделся его владелец, убирая сборник обратно. — На самом деле очень расслабляет.

— Если тебе за шестьдесят, — сострил Марк деланно низким, но все равно скрипучим голосом.

Сава поддержал в своей привычной двусмысленной манере:

— Да ладно вам. Что ему еще делать, пока мы будем веселиться?

— Что угодно, но уж точно не решать sudoku.

— Зато он все-таки согласился.

Тима рассказывал, что изначально не планировал ехать, ведь ни с кем, кроме Лени, не был близок. Но тот давно мечтал об этой поездке — лес, горы, самые близкие друзья, — так что в конце концов Тима поддался на уговоры.

Мотор взревел.

Даже такая машина забуксовала. Несколько минут «буханка» героически боролась с грязью, дергаясь то в одну сторону, то в другую. А затем преодолела полосу ухабов, каким-то чудом умудрившись не завалиться на бок.

Наконец они остановились. Дорога здесь была ровнее, хотя за окном по-прежнему стоял густой лес.

— Приехали. Дальше пешком.

До дома пришлось шагать около полукилометра вниз. Узкая тропинка из-за торчащих корней и нарастающего уклона требовала предельного сосредоточения, так что здоровый домина остался незамеченным даже в упор.

— Надя, — окликнул хозяин, — мы на месте.

Неудивительно, что она прошла мимо: крышу прикрывали упавшие ветки, неотесанные бревна сливались с лесом. Хотя при ближайшем рассмотрении постройка цепляла глаз необыч-

ной формой: вместо четырех углов — шесть. А на фотографиях с сайта казалась самой обычной.

Дом встретил запахами пихтового ароматизатора и чистящих средств. В центре комнаты стоял эффектный круглый камин. Спальни располагались наверху — к ним вела лестница. Рядом с ней — стол из массива и резные стулья. Первое впечатление дом производил приятное. Тем страннее, что такое большое, хорошо обставленное жилище закрывалось всего на один хлипкий крючок — ни щеколды, ни замочной скважины. Снаружи дверь и вовсе подпиралась камнем.

— А как закрываться?

— Зачем? Здесь же никого, — впервые улыбнулся мужчина. — От зверюшек этого хватает. Мангал на улице, решетка висит на дереве, шампуры на кухне...

Небольшая кухонька располагалась у одной из стен, напротив лестницы.

— Дрова в дровнике на веранде. Ночи тут холодные — точно пригодятся. Печь наверху одна на обе комнаты, — он указал на потолок, куда уходила труба камина. — Но в той, что дальше от лестницы, греет лучше. Заслонку только открыть не забудьте, иначе угорите.

— Угарнем мы в любом случае, — шутит Марк.

Но его здесь не было. Нина даже обернулась к дивану у камина, откуда отчетливо, с присущим ему озорством прозвучала эта фраза. Пусто.

Хозяин тем временем продолжал рассказывать, указывая то на одно, то на другое:

— Если захотите баню растопить: как из дома выйдете, налево и вниз по тропе, до реки. Идите на шум, не заблудитесь. Только в речку не ступайте. Она сильнее, чем выглядит. И глубоко в лес не заходите. Здесь вы шумите, отпугиваете, а там они — хозяева, — неожиданно кротко произнес он, глядя исподлобья куда-то ей за спину.

Настенный декор позади впечатлял: разъяренная медвежья морда, деревянное панно с представителями местной фауны, этнический ковер с невиданными зверями.

— Да-а уж... — вздохнула Нина и повернулась обратно. — И много тут еще способов погибнуть?

— Если куда не надо лезть не будете — все с вами в порядке будет.

Она с иронией кивнула:

— Утешающе.

Мужчина снял с пояса одну из раций и передал ей.

— Вопросы или проблемы какие будут — обращайтесь. Только по пустякам после десяти не беспокойте. И ничего не крутите — собьете.

— А как ее включать?

Объяснив, как пользоваться рацией, Мерген попрощался и уехал. Нина осталась совсем одна в доме, где незадолго до исчезновения останавливались ее приятели. Со слов полиции, в один день все они оставили рюкзаки, одежду, деньги, даже паспорта и пропали. К горлу подступила тошнота.

На часах был только полдень, а Нина уже валилась с ног. Сказалось все: и ранний подъем, и долгая дорога, и изнурительная, нещадная жара. Единственное, на что хватило сил, — принять еле теплый душ и переплести косы. С длиной до поясницы и капризной структурой тонких светлых волос без кос было не обойтись. Ночью — две, днем — одна, распущенные — по особым поводам. Вот и все разнообразие. За это некоторые девчонки «ласково» величали ее Аленушкой. Зато с бабушками Нина отлично ладила. И с Тимой. На этом, в общем-то, список ее друзей заканчивался.

Взбитые подушки с ароматом кондиционера и туго натянутые белоснежные простыни манили крепким сном. Обманчивая ловушка. На деле спалось как на иголках. Образы не задер-

живались надолго — расплывались, сменяясь новыми. Сотни голосов, тысячи лиц. И этот зловещий шелест хвои.

Балаган дремы разрушили истошные вопли. Из сна они ворвались в явь, заставив все тело сжаться в комок.

Первые мгновения пробуждения были болезненными: она еще не помнила, где находится и кем является — еще оставалась невинным дитем, дрожащим от страха и холода в доме без окон, где не согревал даже плед из волчьих шкур.

Мысли постепенно распутались, но крики повторились, не оставив возможности списать их на выдумку разума. Они совсем не походили на звериный рев: будто женщина угодила в капкан. Но откуда бы ей тут взяться?

Нина поднялась, закуталась в вязаный плед и закрыла створку окна. Холод стоял как в середине осени. А ведь был всего лишь конец августа. Стоило внимательнее слушать Мергена и растопить печь. Но Нина не то что никогда этого не делала — она даже вживую такой печи не видела. Зато прекрасно знала, чем грозит угарный газ. Особенно во сне.

Ночью в доме было гораздо темнее, чем в квартире — крошечная тьма, если говорить откровенно. Электричество поступало только от солнечных батарей, а из-за не самого удачного расположения дома к вечеру заряд иссякал. Оставались только свечи.

В полумраке их огоньки множились, отражаясь в зеркалах, окнах, собственных глазах. От внезапных отблесков Нина постоянно вздрагивала.

В третий раз вопль раздался совсем рядом, почти под окном.

Нина поднесла рацию к губам и зажала оранжевую кнопку. На мгновение замешкалась. Иного выхода не было, поэтому все-таки обратилась:

— Вы слышите?

— Слышу. — Судя по голосу, Мерген даже не планировал спать.

— Снаружи кто-то кричит. Кажется, женщина... Я не знаю, что делать.

Тишина.

— Вы здесь?

Пш-ш-ш...

— Да, — недовольно отозвался он. Видимо, все-таки спал.

— Так что мне делать?

— Это лисы.

— Но это совсем...

— Спокойной ночи.

Однако Нина настояла:

— Мерген, я не уверена, что это звериные крики. Похоже на человеческие.

Пауза затянулась.

— Вы меня слышите? Что, если кому-то нужна помощь?

— Если не хотите, чтобы вас сожрали, ложитесь спать.

Как бы грубо ни прозвучали его слова, среди диких животных Нина никогда не жила, а потому наверняка не знала ни как они кричат, ни как от них защититься.

Разумную мысль оборвал силуэт, мелькнувший за окном. Высокий — явно человеческий. Если бы кто-то хотел целенаправленно напасть, то, учитывая сомнительные меры безопасности, давно бы это сделал. Но если вдруг раненому требовалась помощь, он мог не заметить дом во мраке — так же, как она сама не заметила его при свете дня.

Нина выглянула за дверь. Звуков было много: уханье, писк, стрекот, отдаленное журчание реки, — но все они принадлежали лесу.

— Здесь кто-то есть?! — сорвалось с ее губ вместе с паром.

Стоя босыми ногами на холодном пороге, она посмеялась над собой за глупую надежду на возвращение заблудившихся в лесу ребят.

Нина уже хотела закрыть дверь, как вдруг меж стволов блеснули глаза. Выше, чем у лисы, но ниже, чем у человека. На высоте ребенка. И взгляд тоже детский, только... уставший.

Уверенная, что перед ней ребенок, Нина осторожно вышла за порог и спустилась с веранды.

Глаза моргали, но не двигались.

— Все хорошо? Откуда ты здесь?

Сделав несколько шагов навстречу, она застыла. В свете свечи проявились два длинных клыка.

Зверь вышел из тьмы. Он вовсе не скалился — клыки торчали сами по себе. Это определенно был не человек, не ребенок, не лиса и даже не волк. Он вообще не походил ни на одно животное, которое она когда-либо видела. Для лани — мелковат и ушаст, для зайца — большеват и клыкаст, для волка — глаза слишком добрые.

Зверь смотрел скорее удивленно, нежели испуганно. Но от осторожно протянутой руки отскочил и по-оленьи ускакал.

Нина с поражением опустила руку.

— Что ты за олень такой? Рогов нет, а клыки есть.

Вопли раздались снова. На этот раз издалека, едва слышно. Вряд ли раненый человек мог так быстро преодолеть большое расстояние.

Во время возвращения в дом Нина краем глаза заметила, как следом за ней кто-то вошел, — едва уловимая тень. И даже почувствовала чье-то присутствие. Осмотрелась, выпила воды, но никого так и не обнаружила.

Эту мелочь можно было бы легко списать на спутанность спросонья и игру теней, если бы только... Если бы наутро, едва разомкнув глаза, она не увидела темный волос на соседней подушке.

Глава II. Под прицелом

За столом их было четверо. Лишь один сидел неподвижно. Остальных это нисколько не смущало: Леня, увлеченно рассказывая истории, по-товарищески держал его за плечо; Марк, хохоча, подливал вина; Сава с улыбкой передавал блюдо. А молчуну весь вечер было не до веселья — лишь кулак вяло выстукивал ритм.

Преданные товарищи тщетно поили и кормили его, но вино стекало по подбородку, а яства падали с ложки, лишь пачкая рот.

За мокрыми ресницами открылись глаза невиданной печали — разочарование, застывшее в смирении с судьбой.

И вдруг из тьмы за его спиной возникла фигура: ни лица, ни тела не разобрать — одни очертания. Иссохшая рука коснулась головы, и страх обнажил белки его глаз. Пытаясь кричать, он только задышался.

Старушечья рука скользнула к подбородку и резко задрала голову. В тот же миг люстра над столом вспыхнула до рези в глазах. Все его тело затряслось в последнем припадке.

Зато теперь стало видно: в еде копошились черви, в вине плавали зонтики болиголова, а из нагрудного кармана Лёниной флиски торчало ушко иглы с окровавленной ниткой — такой же, какой был зашит его рот.

Утро.

Освещенная мягким светом спальня дышала покоем. Тем громче кричал темный волос на соседней подушке.

Тщательный осмотр — и на белом белье, и на черном столике, и на светлом дереве — показал, что ни по цвету, ни по длине он не походил на Нинин. Не мог он принадлежать и хозяину дома: Мерген был коротко стрижен. Лишь у одного человека на ее памяти были темные волосы средней длины. Но тот бесследно исчез два месяца назад.

Для такой мелочи находилось куда более разумное объяснение: волос мог выпасть у кого-то из клининга. А мог вообще оказаться не волосом — шерстинкой или ниткой от одного из многочисленных ковров. Так или иначе, его происхождение ничего не объясняло.

А вот то, что действительно могло дать ответы на многие вопросы, — это река. Почему никто из четверых не заметил опасности? Не убедил остальных остановиться? Не отказался сам? На каких именно порогах они перевернулись? Все ли сразу? Если экшн-камеру Марка нашли в десяти километрах ниже по течению, там же, где и лодку, значит, до этого места она худо-бедно держалась на плаву. Тогда почему за эти десять километров они не смогли ничего предпринять? И главное: где река спрятала четыре тела?

Чтобы разобраться, Нина решила пройтись вдоль реки. В идеале — до самых порогов. Дорога предстояла неблизкая, а значит, требовала подготовки: зарядить телефон, проверить скачанные карты, собрать рюкзак. И если с первыми двумя пунктами проблем не возникло, то на третьем она с удивлением обнаружила, что рюкзак под завязку был набит вещами.

Но ведь вчера по приезде она все разложила. Разложила же? Или ей это только приснилось?

Как бы то ни было, пришлось вывалить содержимое на кровать и оставить только самое необходимое: бутылку воды, злаковые батончики, репеллент от клещей, дождевик и наушники.

Полная решимости, Нина вышла за порог — и тут же досадливо закатила глаза: предусмотрела все, кроме прохлады. Было немногим теплее, чем ночью. Пришлось возвращаться за свитером.

Зато найти реку много времени не потребовало. Мерген не обманул: чем ниже по тропе, тем громче журчание. Широкая и бурная, у берега река замедлялась на естественном изгибе.

Здесь она казалась безобидной: над водой даже стояла баня с лестницей для окунаний. Но в такую ледяную полез бы только безумец.

Другой берег казался недосыгаемым, более далеким, чем являлся на деле. У подножия гор в ряд выстроились одинаковые треугольные домики — очевидно, отель. Там наверняка жили люди, которые, как и Нина сейчас, прекрасно видели противоположный берег. И лодку. Опросили ли их как следует? Вряд ли.

Идти вдоль реки оказалось не так уж легко: береговая линия то сужалась, то снова расширялась, вынуждая то пробираться гуськом под отвесной скалой, то обходить ивовые заросли.

Перед очередным препятствием Нина задержалась. За ветки зацепилась и никак не могла уплыть вслед за течением мокрая тряпка.

Подойдя ближе, она обнаружила, что это не просто какая-то тряпка. Это была зипка. В грязи и тине, но с примечательными пестрыми бусинами на шнурке.

Один в один как на толстовке Тимы.

Нина вытащила ее из воды и просидела на какой-то коряге час, полтора. В наушниках играли треки, которые он когда-то скидывал ей. Река уносила воспоминания; ее стремительный поток не позволял эмоциям скопиться во что-то разрушительное. Но правда лежала прямо у нее в руках. Сколько ни убеждай себя, что толстовка не его или была забыта у воды, от очевидного не отвертеться. Следствие оказалось право, а ей... ей было легче поверить во что угодно, только не в его гибель.

Ветер в тот день был сильным, река — бурной. Леня хотел отказаться от своей затеи, но Марк подбил и его, и Саву на бессмысленный риск, потому что: «Живем один раз!» А Тима промолчал, чтобы в очередной раз не выглядеть белой вороной. В какой-то момент лодку понесло, и на первых порогах их начало выбрасывать в воду одного за другим. Один удар головой о валун — в лучшем случае потеря сознания, что в ледяном течении сродни смерти.

Трек сменился, и с первых же секунд он показался Нине удивительно знаком, будто совсем недавно она уже слышала его. Странно: в последний раз этот плейлист она включала пару месяцев назад. Наверное, именно сейчас песня отозвалась в ней из-за трагичности своего содержания:

Потухшие звезды смотрят на нас.

Мы под прицелом, мы под прицелом.

Огонь Прометея в душах погас.

Мир под прицелом, мир под прицелом.

Дома Нина постирала толстовку чем было — шампунем. Следствию она все равно была уже без надобности. Одно пятно никак не отходило, сколько она его ни терла. Своим упрямством оно довело ее до истерики.

Ненадолго. Минута, две. Затем Нина вытерла слезы, посмотрела на себя в зеркало и восстановила дыхание. А когда вышла на улицу, воздух показался свежее. Как бы она ни сопротивлялась этой мысли, похоже, пришло время отпустить.

Неопределенность, не дававшая ей ни спать, ни есть, разрешилась: Тиму здесь не держали в плену, а версия следствия получила подтверждение. Проводить в доме еще одну ночь не имело смысла. По расписанию ближайший поезд был вечером. Нина собрала вещи с кровати обратно в рюкзак и ближе к выезду спустилась в гостиную.

Оставалось попросить Мергена отвезти ее до села и обратиться отсюда восвояси. Но такое простое дело никак не давалось. Сложившаяся картина все еще пестрила несостыковками и проплешинами.

Нина долго смотрела на оранжевую кнопку, не решаясь ее нажать. В конце концов отложила рацию и обессиленно бухнулась на диван.

Вдруг как из ниоткуда заиграла музыка. Не из наушников и не из телефона — гораздо громче. Странная картавая песня жадно заполняла собой пространство. Ни Нина, ни Тима такого не слушали. Регги любил только... Марк.

— Да не нервничай, — вдруг раздался его голос. — Все на мази — папа прикрыл.

Он сидел рядом: живой, настоящий. Затянулся самокруткой и выпустил в комнату еще одно облако дыма.

— Что? — с удивленным смешком спросил Тима. — Да что с вами?

И он был здесь: стоял напротив, совершенно растерянный, в своей любимой зипке. Бегающий взгляд наконец зацепился за лучшего друга.

— Леня... Леня, так нельзя.

Тот положил руки ему на плечи и твердо заверил:

— Ничего он нам не сделает. Ни черта у этого козла не выйдет. Но мы должны быть друг за друга. Мы тут все — свои. Ты ведь не сдашь меня?

Тима нервно рассмеялся. Но шуткой здесь и не пахло.

— Свои? То есть я теперь еще и часть этого?..

— Возишься с ним, как с дитем, честное слово, — издевательски усмехнулся Марк. — Чего непонятного, Тима? Бро облажался — с каждым может случиться, — ты прикрываешь ему спину. Однажды облажаешься ты — прикроют тебя.

— Упаси Господь мне так облажаться.

— Ну, жизнь длинная, — с поразительной беспечностью бросил Марк.

Леня убеждал иначе. Он сильнее сжал его плечи и снова заговорил своим грубым голосом:

— Ты мой друг, я тебе доверяю. Еще раз спрашиваю: ты не станешь крысить?

Взгляд Тимы что-то искал в его глазах — возможно, ответов или понимания, — но ни с чем скатился в пол.

— Я никому не расскажу, — едва слышно подписался он.

Пилик-пилик, пилик-пилик.

Дым вмиг развеялся. Все исчезло так же внезапно, как и появилось.

Кроме регги. Он снова заиграл.

Нина долго сидела на месте словно замороженная. Явившаяся ей сцена не походила ни на сон, ни на фантазию. Все происходило наяву. Галлюцинация после пережитого стресса? Тогда как объяснить эту назойливую музыку?

Нина встала — продолжало играть.

Сделала два несмелых шага — стало тише.

Отошла в другую часть комнаты — звук ослаб еще сильнее.

Значит, источник находился не в ее голове.

Писк прозвучал снова, и тогда Нина его узнала: точь-в-точь оповещение о низком заряде в наушниках. Только это были не наушники. Что-то другое...

Под диваном ничего не оказалось. Под покрывалом — тоже. Зато под подушками обнаружились пружины — диван раскладной.

Ну разумеется! Портативная колонка. Все это время она была внутри него.

Находка только сильнее раздражила тревогу. Колонка включилась, когда на нее сели, — это еще можно было объяснить. Но сама она лишь воспроизводила звук, а значит, где-то поблизости находился настоящий источник. Вероятнее всего, телефон. Но чей?

Шанс, что устройство принадлежало кому-то из четверки, был невелик: прошло слишком много времени, да и следователи наверняка бы его забрали. Но кто и когда оставил его здесь вместе с колонкой?

Нина достала свой телефон и включила блютус.

Среди доступных устройств выпрыгнуло «iPhone Маркиавели».

Несмотря на напряжение, она не сдержала усмешки.

— Претенциозно и с ошибкой. В его духе...

Почему телефон Марка до сих пор работал, пока волновало ее меньше всего. Гораздо важнее было найти его. Сузить область поисков помогала колонка: там, где музыка начинала прерываться, сигнал слабел. На втором этаже и на кухне звук пропадал, зато снаружи держался вплоть до леса. Следовательно, телефон находился где-то в районе камина. Вполне ожидаемо.

Нина обыскала всю гостиную, отодвинула диван, заглянула под ковер, проверила даже те места, куда телефон никак не мог попасть случайно, но так ничего и не нашла. Измотанная, она прилегла передохнуть всего на пару минут, и в голову тут же полезли мысли: «О чем они говорили? Кого имели в виду? Почему не было Савы?» Но ничего этого не происходило. Не могло происходить. Откуда ей было знать, о чем трое людей говорили два месяца назад, незадолго до исчезновения? Неоткуда.

Стоило снова сосредоточиться на поисках, как ее осенило: если телефона не было ни в гостиной, ни этажом выше, может, он находился ниже? Ни о подвале, ни о погребке Мерген не рассказывал. Но если где-то были щели или вентиляционные отверстия, телефон вполне мог туда провалиться.

От бесконечных перестановок кожа уже покрылась испариной — и все напрасно: доски везде прилегали друг к другу вплотную. Оставалась только веранда. Почему-то до этого момента Нина ее даже не рассматривала, хотя в радиус действия она попадала.

Она подошла к двери, распахнула ее и... замерла с ликующей улыбкой на лице.

Между порогом и досками зиял зазор, куда мог провалиться не то что телефон, но и сборник на пятьсот sudoku.

В свете фонарика виднелись только паутина, осевшая на ней пыль и мелкий сор. Разочаровывающе. Рука в щель тоже не пролезала. Дальше — либо ломать пол, либо лезть под дом. Ни того ни другого ей ну очень не хотелось.

Снаружи уже вечерело. На сегодняшний поезд можно было даже не рассчитывать. Толстовка на перилах почти высохла, вернув себе приятный мятный оттенок. Нина провела пальцами по ткани и запнулась о злосчастное пятно. Бордовое.

Позади, в дровнике, лежала целая груда поленьев, но ни одного, даже маленького, топорика. В зоне барбекю — только решетка для шашлыков. И лишь узкий проем под домом зазывал в свою тьму колышущимися травинками. По голым рукам пробежали мурашки.

Пролезть туда было можно, но только на локтях, сильно пригибая голову. А ведь доподлинно не было известно, упал ли туда телефон. Нина пожалела, что никогда не сохраняла номера одноклассников, и, ворча себе под нос, полезла. К лицу липла паутина, в локти впились шишки, волосы цеплялись за доски прямо над головой, но в целом — терпимо.

Добравшись до зазора, она достала телефон и включила фонарик.

Едва вспыхнул свет, как совсем рядом нечто пронзительно заверещало.

От испуга она ударилась головой о доски и попятилась назад. Все закружилось, свет заплясал перед глазами.

Когда зрение прояснилось, вокруг были только земля, корни и паутина — ничего, что могло бы издавать подобные визги.

Неподалеку блеснуло что-то прямоугольное. В суматохе Нина даже не сразу осознала, что именно нашла. Выбравшись наружу, она сначала стряхнула с волос букашек и отряхнулась от земли. И только когда нажала на боковую кнопку, почувствовала, как дрожь стремительно охватывает все тело, начиная с руки.

Это был не просто чей-то телефон. В ее руках лежали ответы — возможно, на все вопросы. И прямо сейчас она смотрела на один из них.

На экране блокировки стояло селфи Марка с друзьями на фоне реки и лодки. На каждом — спасательный жилет. Значит, техникой безопасности ребята не пренебрегали. Но куда важнее было вытекающее из этого: Тима не мог потерять толстовку, не потеряв при этом жилета — непотопляемого, ярко-оранжевого.

А ведь ни одного жилета в деле не значилось.

Рука перестала дрожать — ее залило льдом. Воздух стал не свежее — сырее.

98% заряда.